

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 3
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3 (2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-148-159>

КОНЦЕПЦИЯ ДЕТСТВА В ПРОЗЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Н. П. ВАГНЕРА

Аркадий Хаимович Гольденберг, Варвара Анатольевна Стаценко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

Аннотация. Отношение к детству как особенной поре, определяющей будущее духовное строение личности, характерно для творчества писателей второй половины XIX в. — Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера. Их переписка, характер личных и литературных отношений показывают, что тема детства считается одной из ключевых в литературном диалоге писателей. В ходе исследования выявлено, что оба автора последовательно разрушают миф о детстве как безоблачной поре, изображая катастрофическое положение сироты, больного ребенка, попрошайки и малолетнего преступника. Сопоставительный анализ образов детей в произведениях Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера дает возможность не только проследить типологические связи в развитии детской темы, но и выделить особенности концепции детства в творчестве писателей-современников.

Ключевые слова: Н. П. Вагнер, Ф. М. Достоевский, литературный диалог, мифологема детства, детская картина мира, тип «взрослого ребенка»

Для цитирования: Гольденберг А. Х., Стаценко В. А. Концепция детства в прозе Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 3. С. 148–159. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-148-159>

Original article

THE CONCEPT OF CHILDHOOD IN THE PROSE OF F. M. DOSTOEVSKY AND N. P. WAGNER

Arkady Kh. Goldenberg, Varvara A. Statsenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The attitude towards childhood as a special period that determines the future spiritual structure of a person is characteristic of the work of writers of the second half of the 19th century - F. M. Dostoevsky and N. P. Wagner. Their correspondence and the nature of their personal and literary relationships show that the theme of childhood is one of the key themes in the literary dialogue between the writers. The analysis suggests that both authors consistently destroy the myth of childhood as a cloudless time, depicting the catastrophic situation of orphans, sick children, beggars and juvenile delinquents. A comparative analysis of the images of children in the works of Dostoevsky and Wagner makes it possible not only to trace the typological connections in the development of the children's theme, but also to identify the features of the concept of childhood in the works of contemporary writers. Dostoevsky and Wagner seek to draw attention to the suffering of innocent children, the small of the small, who often suffer through the fault of their relatives. They are forced to become "adults" after an unbearable, difficult experience that arose ahead of time, and the memory of what they experienced remains with them for the rest of their lives. The study of literary contacts helps to

recreate a picture of the cultural and social life of the era and to identify the peculiarities of the perception of the “children’s theme” in a single writer, as well as to identify a number of close positions in a literary manner.

Key words: *N. P. Wagner, F. M. Dostoevsky, literary dialogue, childhood mythologeme, children’s worldview, type of “adult child”*

For citation: Goldenberg, A. Kh. and Statsenko, V. A. (2026). The concept of childhood in the prose of F. M. Dostoevsky and N. P. Wagner. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 3, pp. 148–159. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-3-148-159>

Введение

Тема детства неслучайно стала одной из центральных в произведениях Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера, во второй половине XIX в. она приобрела остросоциальное значение, и это не могло не отразиться в литературе.

Большую роль сыграл исторический контекст — реформы 1860–1870-х гг. повлияли на все слои общества и, следовательно, сказались на жизни каждого ребенка, пошатнув семейные структуры и нарушив «механизмы социальной регуляции детства» [Петрова, 2007, с. 3]. Высокая рождаемость в сочетании с высоким уровнем смертности взрослых из-за отсутствия стабильных условий жизни закономерно приводила к росту сиротства и частой гибели детей. Система государственной помощи не могла справиться с растущим количеством беспризорников, попрошаек и маленьких преступников.

Исследование и его результаты

Писатели познакомились летом 1875 г. в Старой Руссе, «где у Достоевских был свой дом, а Вагнер с семьей проводил лето» [Сосновская, 2015, с. 7]. К тому времени известный зоолог и сказочник Кот-Мурлыка имел в обществе славу неординарной личности — ученого-спирита, пытавшегося изучать духовные практики с научной точки зрения и в то же время трактовать медиумические явления с позиций православной религии.

Первой из семьи Достоевских с ним начала общаться супруга писателя Анна Григорьевна, именно она описала в письме к мужу облик нового знакомого: «По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек. На другой день я видела его в парке на скамье, читающим письмо (вероятно, от кого-либо с того света) и до того погруженного в чтение, что никого не видел (меня тоже не видел). Затем вскочил и три раза пробежал взад и вперед по длинной аллее, а затем пропал. Вообще, в этот раз имел вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту)» [Цит. по: Сосновская, 2015, с. 7–8]. Мнение о возможном сумасшествии подкреплялось и убеждениями многих медиков той эпохи, что частые практики вызова духов приводят к помешательству.

Впоследствии Ф. М. Достоевский лично узнал этого «странного» человека и стал близко общаться на философские и семейные темы, а также в связи с возникшим интересом к спиритизму. «Впервые страстная заинтересованность Достоевского принять личное участие в спиритических сеансах обнаруживается в его письме к Н. П. Вагнеру от 21 декабря 1875 года» [Тихомиров, 2022а, с. 391].

Здоровье детей было ключевым в тематике писем декабря 1875 — января 1876 г. Болезни, бушевавшие в XIX в., становились причиной непростого положения почти каждой семьи, в особой опасности всегда находились дети. Трагические моменты в жизни Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера впоследствии могли дать толчок к возникновению в произведениях персонажей, страдающих от тяжких заболеваний и встречающих смерть в столь юном возрасте. Двое писателей пережили болезни детей и даже их тяжелую гибель.

У Н. П. Вагнера было шестеро детей в браке с Екатериной Александровной Худяковой: три девочки и трое мальчиков. Еще одна «дочь Людмила умерла» [Фокин, 2024а, с. 25], вероятно, в возрасте двух лет. О ее смерти говорит сам Н. П. Вагнер в письме к Ф. М. Достоевскому от 8 января 1876 г. Здесь же сказочник сообщает о своем непростом отношении к детям вообще: «Я не люблю детей, или, правильнее говоря, я боюсь их любить. С одной стороны, потому, что они, эти простые и мудрые не по-нашему, очень легко рвут и царапают самые дорогие привязанности, а моя любовь весьма обидчива. <...> Не знаю, может быть, это в своем роде мелочность, сухость сердца. Я живо помню, как у меня умерла дочь — ребенок двух лет. Были минуты, когда мне было ее жаль, но я чувствую теперь, что эта жалость была напускная, аффектированная. Мне было жаль, что умерло маленькое создание, — весьма красивое, умное, которое мне принадлежало — моей плоти и крови — и только» [Цит. по: Валь, Захарова, Сосновская, 2015, с. 18].

Такую позицию нельзя понимать односторонне. Н. П. Вагнер как ученый-спирит (что в современном контексте уже может звучать как соединение слов-антонимов) не так, как многие, относился к проявлению чувств в подобных вопросах. Смерть рассматривалась им как закономерный процесс, часть жизни каждого человека. Зоолог и сторонник учения Дарвина о естественном отборе считал, что гибель — следствие, конечная точка уже известных законов природы, не поддающихся сомнению или оспариванию. Прогресс и эволюция не могли осуществиться без соблюдения всех, даже самых жестких правил «колеса жизни».

Роль земных переживаний была мала в том числе из-за концепции спиритизма, которая представляла эмоции как инструмент для проведения медиумических практик, направленных на утверждение истин вселенной. «Вагнер смотрел на эмоции как на часть „естественного мира“ и, таким образом, изгонял их из личного пространства человека» [Раздьяконов, 2015, с. 31]. При этом как исследователь мира духов, не отрицающий и даже поддерживающий христианскую религию, он понимал: долгая скорбь свидетельствует об эгоизме и жалости к самому себе, грех — противиться воле Бога, который вернул свое создание в лучший мир. Подобные философские размышления со всем разнообразием и противоречивостью осмысления взаимодействия духовного и материального легли в основу многих произведений автора «Сказок Кота-Мурлыки».

Целый ряд потрясений произошел в семье сказочника в 1890-е гг. Страшная болезнь коснулась его младшей дочери, когда та была подростком: Надежда «осенью 1891 года заболела тифом» [Давыдова, 2022, с. 28–29], из-за чего девочке пришлось отложить поступление в гимназию Э. П. Шаффе. В 1896 г. волна общественного осуждения за поступок сына обрушилась на Н. П. Вагнера. Владимир Вагнер, третий сын прославленного в то время профессора и писателя, совершил страшное преступление на фоне психической болезни — застрелил жену из пистолета, за что был сослан в Сибирь. Характер Владимира живо вырисовывается в письме его отца: «Вся твоя биография может быть выражена в двух строчках: лгал, делал мерзости и злые дела, удалялся постоянно и постепенно от Господа, обманул отца, мать и всех близких людей и, наконец, завершил свою биографию убийством жены... <...> Если тебя оправдают, то это будет для тебя новым искушением, новым рядом злых глупостей, самолюбованием» [Цит. по: Фокин, 2024б, с. 74–75]. Не физическое и материальное волнует Вагнера-отца, а состояние души Владимира, который взял на себя страшный грех. Не сожалениями о судьбе своего ребенка, а скорее требованиями вернуться к праведной жизни и Богу наполнено это послание к сыну.

Позицию Ф. М. Достоевского можно назвать иной, так как сила его переживаний из-за трагедий в судьбах детей была необыкновенно велика и влияла на его собственное и без того болезненное состояние. У писателя родилось четверо детей, двое (Соня и Алексей) умерли в совсем юном возрасте — девочке не было и года, мальчику — трех лет. Уход каждого ребенка становился для отца тяжелым ударом. В своих «Воспоминаниях» А. Г. Достоевская всегда подчеркивает то большое внимание и заботу, которые получали от него дети: «Федор Михайлович оказался нежнейшим отцом: <...> бросая свои занятия, спешил к [дочери Соне], чуть только слышит ее голосок» [Достоевская, 2015, с. 230]. Родительство составляло для него «3/4 счастья жизненного» [Достоевский, 1986а, с. 111] и было одним из самых значимых событий в жизни.

Особенно сильные тоска и тревога одолевали Ф. М. Достоевского в период болезни детей, ведь большинство недугов в XIX в. были крайне опасны для их жизни. В мае 1868 г. в Женеве неожиданно простудилась его долгожданный первенец Соня. Трехмесячная девочка страдала от высокой температуры и кашля и, несмотря на уверения местных врачей в выздоровлении, через непродолжительное время скончалась. А. Г. Достоевская вспоминает, какую душевную боль пришлось пережить ее супругу: «...отчаяние его было бурное, он рыдал и плакал, как женщина, стоя пред остывавшим телом своей любимицы, и покрывал ее бледное личико и ручки горячими поцелуями» [Достоевская, 2015, с. 231]. Спустя месяц после поразившей всю семью трагедии Федор Михайлович напишет в письме к Майкову: «Никогда не забуду и никогда не перестану мучиться! <...> Мне нужно Соню» [Достоевский, 1985, с. 302].

Впоследствии любые детские недуги воспринимались предвестниками трагедии. Зимой 1875 г. Ф. М. Достоевский находится в крайней тревоге из-за того, что скарлатиной заболевают Федя и Люба. Состояние сына ухудшается из-за заражения тифом. Своими переживаниями и тревогой за детей писатель делится в переписке с Вагнером, ожидая понимания, так как он тоже «человек семейный»: «В доме у меня до сих пор плохо. Болен Федя скарлатиной с тифом вот уже 4 недели, а теперь ему опять хуже. Но перенесет еще несколько дней, и — если не беда — то несомненно ему будет лучше» [Достоевский, 1986b, с. 70]. Ответ Н. П. Вагнера на это письмо наполнен не только добрыми пожеланиями, но и философско-религиозными размышлениями и вопросами, которые во многом характеризуют и объясняют его понимание жизни человека вообще: «Вы пишете о беде, которая грозит жизни Вашего ребенка. Дай Бог, чтобы эта беда пронеслась мимо, — но если она случится — сможете ли Вы сказать: „Ты мне дал и Ты отнял, да будет благословенна Твоя непостижимая святая воля?!“ <...> Надо исподволь готовить себя ко всякой беде, твердо веря и сознавая, что всякая беда и горе земное — ничтожные пылинки — перед благом, любовью и правдой жизни вечной!» [Цит. по: Валь, Захарова, Сосновская, 2015, с. 17]. Мир духовный, его исследование в тот период жизни и творчества сказочника ставятся выше дел земных. С 1875 г. он активно занимается спиритизмом и пытается добиться научного подхода в его изучении.

В период их общения также идет подготовка к изданию Ф. М. Достоевским «Дневника писателя». Первый номер автор собирался послать Н. П. Вагнеру. Нужно отметить, что немало страниц январского журнала 1876 г. посвящалось именно теме детства и семейного воспитания, а также перевоспитания «оскорбленных детей», которых он видел лично при посещении колонии малолетних преступников. В числе главных выводов, к которым приходит Ф. М. Достоевский в это время, — понимание значимости этапа взросления в жизни каждого человека: «...всякий ребенок, достигая первых трех лет своей жизни,

уже приобретает целую треть тех идей и познаний, с которыми ляжет стариком в могилу» [Достоевский, 1981, с. 9].

Так, близкое знакомство писателей, общность отдельных философских и социальных позиций стали основополагающими факторами для возникновения литературного диалога. Тема детства является одной из главных в творчестве Ф. М. Достоевского и Н. П. Вагнера и охватывает большое количество произведений, соединяя судьбы разных персонажей.

Н. П. Вагнер, создатель «Сказок Кота-Мурлыки», семитомника «Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки», а также произведений, выходявших отдельными изданиями (рассказ «К свету», сказки «Царевна Милена» и «Бабушка Макрина Прокоповна», роман «Темный путь» и др.), продолжает традиции изображения ребенка как чистого божьего создания, доброго и наивного в глубинных основах существа, в котором заключается высшая способность переживания любви и сострадания к ближнему.

Проблемы сиротства, попрошайничества, подростковой жестокости находят отклик в творчестве сказочника. В его обширном литературном наследии насчитывается более 50 произведений разных жанров, где ребенок становится полноправным участником мира взрослых, сталкиваясь с его несправедливостью и жестокостью. При анализе многочисленных детских образов можно выделить категории персонажей и несколько их подтипов: «взрослый ребенок», «лишний ребенок» («ребенок-херувим» — лишний для земной жизни, «покинутый ребенок» — лишний для родственников), «ребенок-жертва» («осиротевший ребенок», «больной ребенок», «невинно убитый ребенок»), «жестокый ребенок». При этом герои отдельных произведений могут соответствовать сразу нескольким выделенным типам, что подчеркивает сложность детской судьбы, нетривиальный характер ее природы.

Понятие «лишний ребенок», как нам кажется, нельзя соотносить с уже устоявшимся и общеизвестным типом лишнего человека, хотя у героев, конечно, есть и общие черты: скука души, а также их отверженность от общества. Но все же у Н. П. Вагнера ребенок становится лишним на трех уровнях: семья, общество и глобально — земной мир, который выступает в его творчестве в противовес «миру добра и любви», т. е. христианскому раю, куда жаждет попасть невинный младенец.

Мифологема детства рассматривается Н. П. Вагнером и Ф. М. Достоевским преимущественно в парадигме, восходящей к христианскому типу культурного сознания. Во многих произведениях разрабатывается образ ребенка-ангела, страдающего от ужасов земного мира, «образ невинного дитя, побуждающий человека задуматься о Божьем замысле и возродиться вновь („обернуться ребенком“), преодолев духовные болезни и заблуждения» [Пустошкина, 2011, с. 11]. Земные страдания самых малых часто связаны с социальным, семейным или глобальным, общемировым неустройством, а писатели, продолжающие следовать гуманистическому направлению литературы 1840-х гг., стремятся спасти каждого униженного и оскорбленного.

Рассматривая хронологию создания произведений, посвященных данной теме, сначала в прозе Ф. М. Достоевского, а потом в сказках Н. П. Вагнера, можно проследить процесс развития концепции детства и выделить ее основные черты. «Дальнейшая переработка концептов, образов, сюжетов, символов этих „индивидуальных поэтических мифологий“ создает коллективную культурную мифологию определенного общественного сознания, сформированного в конкретную историческую эпоху» [Бабук, 2014, с. 226].

При всем многообразии детских образов в творчестве Ф. М. Достоевского

и Н. П. Вагнера возможность говорить о типологической общности появляется в связи с воссозданием такой категории персонажей, как «взрослые дети». Раньше срока они сталкиваются с ужасами взрослого мира, и этот тяжелый опыт определяет их дальнейший путь. Конфликт между изначальной божественной чистотой ребенка и ужасами, к которым толкает его мир взрослых, становится объектом рассмотрения в произведениях. Н. П. Вагнер, как и Ф. М. Достоевский, изображает полную тягот социальную жизнь детей, тем самым объясняя их раннее взросление и его характерное, по мысли сказочника, следствие — скуку и тоску души.

В числе первых воздействии личности Ф. М. Достоевского на творчество Кота-Мурлыки отметил С. Ю. Дудаков: «Нет никакого сомнения в том, что взгляды Достоевского, отраженные в „Дневнике писателя“, оказали влияние на Вагнера» [Дудаков, 1993, с. 243]. О магистральном характере темы страданий и детской смертности в сравнении с литературным наследием Ф. М. Достоевского говорит В. С. Раздьяконов, осмысливая с философской точки зрения сказки ученого-спирита: «Страдание ребенка для Вагнера не является чем-то экстраординарным в том смысле, например, как понимал страдание ребенка Достоевский, делавший его основной причиной бунта Ивана Карамазова» [Раздьяконов, 2008, с. 216]. Этот тезис нашел подтверждение в переписке Н. П. Вагнера и справедлив для большинства его произведений.

Ребенок, рано познавший жизнь, появляется уже в первом романе Ф. М. Достоевского — «Бедные люди» (1846) — и начинает целую серию несчастных детских персонажей. Семья Горшковых с тремя ребятишками мучается от крайней нищеты, что накладывает серьезный отпечаток на каждого члена семьи. Первые трагичные признаки замечает Макар Девушкин. В доме царит тишина и гнетущая обстановка, а в детях нет характерной для их возраста веселости: *«И не бывает этого, чтобы когда-нибудь порезвились, поиграли дети, а уж это худой знак»* [Достоевский, 2013, с. 34]. Опасения сбываются, когда от болезни погибает сын, мальчик лет девяти. Весть для родителей безусловно тяжелая, а его шестилетняя сестра, по мысли автора, приобретает разрушающую для сознания ребенка черту — становится «скучной, задумчивой», совсем перестает есть сладости и играть. Золотое время для девочки заканчивается с приходом первого осознания жестокости этого мира.

«Рано задумывающиеся дети», пережившие слишком много и развитые не по годам, возникают в рассказе «Елка и свадьба» (сын гувернантки, 1848), повести «Неточка Незванова» (Неточка, 1849), «Маленьком герое» (главный персонаж, 1849), «Преступлении и наказании» (дети семьи Мармеладовых, 1866) и последующих произведениях. Яркие образы этого типа представлены в романе «Униженные и оскорбленные» (1861). Сиротство как семейная и социальная проблема раскрывается через судьбу девочки Нелли, лишенной родителей и дома и повзрослевшей слишком рано, а также через описание общей обстановки того времени, когда сироты, просящие милостыню на улицах, не были чем-то непривычным: *«...маленькие, невинные создания дрогнут от холоду на улице... из-за проклятых матерей и отцов. <...> Много, Ваня, на свете... не княжеских детей!»* [Достоевский, 2014, с. 237].

Рассмотрение частного случая — судьбы Нелли — не может не поразить крайней трагичностью. Автор сталкивает ребенка *«лет двенадцати или тринадцати»* [Достоевский, 2014, с. 232] с бедами, которые могут оказаться непосильными для взрослых (смерть всех родных, нищета, голод, потеря дома, избиения и попытка хозяйки приобщить сиротку к пороку), и это, безусловно, отражается в ее характере и становится причиной болезненного состояния. Перед глазами

главного героя развевалась судьба девочки, *«уже понимавшей, несмотря на свое детство, многое из того, до чего не развивается иной в целые годы своей обеспеченной и гладкой жизни»* [Достоевский, 2014, с. 334]. Ф. М. Достоевский исследует причины появления таких детей и находит их в грехах взрослого мира — гордыня, не дававшая простить старику Смиту свою дочь, толкает мать и ребенка в *«ад бессмысленной и ненормальной жизни»* [Достоевский, 2014, с. 334]. Кризис семейных отношений приводит к гибели самых невинных существ — детей. Правду жизни о любви и всепрощении по заветам Иисуса Христа пытается донести «взрослая» Нелли старику Николаю Ихменеву, чтобы спасти еще одну жертву родительской гордыни от печальной судьбы.

Ответной репликой на этот роман Ф. М. Достоевского становится сказка *«Колесо жизни»* (1872) Н. П. Вагнера. Мальчик Васька брошен в круговорот борьбы человека с человеком, в то самое «колесо жизни», оказавшись один после смерти единственного родного человека — старого дедушки Гужа. Вынужденная взрослость приходит вместе с осознанием собственного положения в обществе: *«Спать ему было негде, есть ему было нечего, — это он хорошо понимал, несмотря на то что ему было всего только семь лет»* [Вагнер, 2015, с. 538]. Первые честные порывы ребенка к труду, который прежде всего необходим ему для получения еды, перечеркивают взрослые — такие же бедняки-тряпичники, каким был его дедушка, прогоняют его с так называемого места работы. Это жестокое действие объясняется боязнью остаться без хлеба, однако не служит оправданием. Дальнейшее бродяжничество приводит его к компании беспризорников, тоже лишенных родителей. Н. П. Вагнер акцентирует внимание читателя на масштабе проблемы сиротства в обществе и на том месте, которое взрослые выделяют таким детям: *«[Ребята] пришли на большую площадь, на которой был рынок. Около лавочек, в уголочках, были свалены в кучки дынные корки, гнилые яблоки и груши. Все ребятишки с жадностью накиннулись на них»* [Вагнер, 2015, с. 539]. Невыносимость происходящего толкнет Ваську к воровству, заключению в рабочем доме и осознанию странных законов мира взрослых: *«Воровать не позволяется. — „А помирать с голоду позволяется?“ — подумал Васька»* [Вагнер, 2015, с. 541–542]. Вывод, ярко демонстрирующий социальное неустройство, рождается в голове ребенка, когда его освобождают от заключения и труда, где не было свободы, но были необходимые еда и тепло. Еще одно изгнание ребенка рождает новые мысли о воровстве. Теперь справиться с ними герою помогает лишь случай, или, что ближе к авторскому мироощущению, Божественное провидение.

«Продолжение» этой истории можно найти у Ф. М. Достоевского в *«Мальчике с ручкой»*, небольшом рассказе о вынужденном воровстве среди сирот, вышедшем в «Дневнике писателя» в январе 1876 г. Литературный диалог с Н. П. Вагнером продолжает расширяться, но Ф. М. Достоевский не просто развивает ту же тему, а рассказывает об общности, повторяемости этого явления. Хожение «с ручкой», т. е. прошение милостыни, становилось частью плана пьяной шайки халатников. Взрослые лишь использовали детей и запускали новый порочный круг: *«Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка»* [Достоевский, 1981, с. 13]. При этом путь ребенка оказывается в большинстве случаев предначертанным: *«Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей, иногда даже без всякого сознания о преступности действия»* [Достоевский, 1981, с. 14]. И в собственных мыслях, и в глазах окружающих дитя, вставшее на путь порока, отвержено от общества. Дикое существо продолжает «бродяжить» по миру бесцельно.

Нетерпимость людей к сиротам, просящим милостыню, также раскрыва-

ется в сказке «Без света» (не позднее 1881). С первых страниц Н. П. Вагнер показывает, как встречают взрослые несчастных «бездомников», оставшихся без родителей, сбежавших из дома от тирании новых хозяев. Здесь же проявляется характерный для сказочника нравоучительный тон по отношению к читателю-современнику: «...вам представлялась правильно организованная система обирания ваших карманов. Вы винили полицию за то, что она пускает по городу этих „детей разврата и лени“» [Вагнер, 2015, с. 325].

В рассказах Н. П. Вагнера обнаруживается тесная связь с известным произведением Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1876). Образ божьего дерева, который сначала является будто во сне, а после живо встает перед глазами сиротки, находим в сказке «Гулли» (не позднее 1887). Истосковавшийся по раю «ребенок-херувим» ночь за ночью видит сны о «чудных, хорошеньких мальчишках и девочках» [Вагнер, 2015, с. 177], которые кружат, порхают вокруг горчичного дерева и поют песню о великой любви и свободе. Гулли доживает только до 15 лет и умирает от тоски и ожидания, в конце концов земной мир с его тяготами и ужасами становится чужим для девочки, и она устремляется вверх, соединяясь в песне с «небесными птицами». Еще в одной сказке — «Новый год» (не позднее 1881) — история побега малыша Гриши на праздник с «большущей» елкой, которую украшает яркая Христова звезда, вновь заставляет вспомнить рассказ «Мальчик у Христа на елке» как один из вероятных литературных источников этого эпизода.

Ужасная по степени трагизма сцена, когда совсем недавно потерявший маму ребенок замерзает на морозе, описана в рассказе «Сиротки» (не позднее 1904) Н. П. Вагнера, написанном с установкой на реалистическое изображение действительности. Как и герой Ф. М. Достоевского, маленькие девочки Верунька и Любка живут в крайней нищете, без отца, с тяжелобольной матерью. После длительных мучений и та оставляет их. В морозную ночь они видят мамин труп, но не сразу осознают свое сиротство: «„Уснула, видно полегчало“, — подумала она. <...> Люба с плачем приговаривала: „Мама, вставай!..“» [Вагнер, 1904, с. 38]. В отличие от своего литературного собеседника (в рамках диалога писателей) Н. П. Вагнер отягощает историю страшными натуралистичными подробностями. Старшая из двух сестер вспоминает процесс похорон своей тети и, несмотря на всю тяжесть горя, говорит, что тело мамы нужно обмыть перед погребением. Автор сталкивает девочек с небывалым для них несчастьем, но «в представлении обеих долг встал выше горя» [Вагнер, 1904, с. 39]. Позже в их небольшую сторожевую будку приходит другой работник, давно мечтавший занять это место. Его супруга Алена безжалостно выгоняет Веруньку и Любку на мороз, с яростью бьет их вещи. Концепция отношений ребенок — взрослый искажается. Фигура незнакомой женщины, тоже матери, в детской картине мира приобретает злостные черты, как оказалось, даже губительные. В попытках добраться до единственной родственницы сестры замерзают: «Мороз жег ее и останавливал дыхание, <...> так легко, хорошо...» [Вагнер, 1904, с. 48].

В большинстве случаев смерть невинного ребенка понимается и изображается писателями по-разному. Для Ф. М. Достоевского это «трагическая нелепость, тем более что смерть эта есть гибель от жестокости взрослых, она — торжество зла» [Кондратьев, 2013, с. 98], а для Н. П. Вагнера она, скорее, является подтверждением одного из положений Дарвина. В зарубежной и русской литературе совсем не у каждого писателя можно встретить такое количество детских смертей — при беглом подсчете в семитомнике и сказочном сборнике Кота-Мурлыки найдется свыше 30 произведений. Используя такой сюжетный ход, писатель, как нам кажется, отражает свою действительность и обращает

внимание на дисгармонию в обществе и мире. Тем не менее душа ребенка, отлетая от тела, всегда, по мысли автора, отправляется в лучший мир, на служение к Богу, а потому гибель не должна вызывать столько горя у близких. Образ рая, приветствующего малышей, Н. П. Вагнер подробно разрабатывает в уральской легенде «У Христа в гостях» (не позднее 1904). И в этой концепции он совпадает со взглядами Ф. М. Достоевского в литературном творчестве.

Сюжетные параллели с романом «Братья Карамазовы» (1879–1880) обнаруживаются при прочтении позднего реалистического произведения Н. П. Вагнера «Дубовая кора» (не позднее 1891). В одной из записок старого туриста — именно так определяет жанр сам автор — развитие получает тема подростковой жестокости, но сами образы детей противоположны друг другу. Если у Ф. М. Достоевского Илюшечка тяжело, болезненно переживает состояние израненной собаки Жучки (бросить хлебный мякиш с булавкой ему предлагает Смердяков), то школяры у Н. П. Вагнера ежедневно до смерти забивают псов. Кровавые ужасы провинциального города Бельцы шокируют приезжего интеллигента, но остаются нормой для жителей. Взрослые кожевники здесь «в шутку» снимают шкуру с еще живой лошади, отпуская погибать в муках, а подростки для забавы до смерти забивают собак: *«Ворота на двор школьный отворяют, хлеба альбо мясца набрасают... ну, пес, дурень, и бежит на прикормку. <...> Начнут его всем гуртом травить: и камнями швырять, и вилами ему брюхо прободут, и поленьями, палками колотят»* [Вагнер, 1897, с. 28]. В общей страшной картине проявлением человечности рассказчику кажется то, как старик-прохожий добывает животное палкой, чтобы оно перестало страдать: *«Дикарь добр по-своему»* [Вагнер, 1897, с. 29].

Возвращаясь к малой прозе, рассмотрим еще одну тему в творческом диалоге писателей — пробуждение первой любви, описанное в рассказах «Маленький герой» (1857) и «Джемма» (не позднее 1891). Б. Н. Тихомиров, рассматривая новый для 1840–1850-х гг. поворот в развитии темы детства, пишет, что «Достоевский во многом явился писателем-первопроходцем» [Тихомиров, 2022b, с. 251] в изображении и художественном постижении внутреннего мира ребенка в кризисных, переходных состояниях. Возникшее значительно позже произведение Н. П. Вагнера только дополняет образ подростка, которому необходимо преодолеть экзистенциальный рубеж в своей душе. В изучении мифологии детства эти произведения представляют особенный интерес, так как повествование в обоих случаях ведется в форме воспоминаний, от лица детей, которые стремятся стать взрослыми. Внутренние переживания ребенка выходят на первый план. В «Маленьком герое» «Достоевский предпринимает попытку восстановить непосредственное детское восприятие действительности» [Бабук, 2014, с. 234] и для этого сталкивает мальчика с серьезным испытанием — первой безответной любовью. Этому же принципу следует Н. П. Вагнер, описывая влюбленность 13-летнего петербуржца в индийскую принцессу. Подросток находится во власти множества новых для себя эмоций и приходит к осознанию собственной взрослости: *«Я должен был доказать, <...> что я взрослый мужчина, а не мальчик, и что если я даю слово, то умею держать его»* [Вагнер, 1897, с. 296]. Как и Маленький герой, он становится «передатчиком любовной корреспонденции» и ставит счастье своей возлюбленной выше собственного. Безответная любовь, несмотря на всю жестокость положения, помогает мальчику вернуться к детской непосредственности, прийти к духовной свободе и Богу через самопожертвование.

Заключение

Намеченные типологические связи позволяют говорить не просто о развитии детской темы, а о создании особой концепции детства в творчестве двух писателей-современников. Надежду на становление «золотого века» на земле они видят в детях, будущем человечества. Слова из Евангелия имеют определяющее значение и красной нитью проходят через все творчество Н. П. Вагнера и Ф. М. Достоевского: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). Возвращение к детскому, чистому типу сознания, сохранение нравственного чувства, данного Богом, по мнению авторов, может стать ключом к становлению на земле мира и торжеству евангельской заповеди о любви к ближнему. А разрушение детства, его глубинных основ неизбежно ведет к рождению новых пороков общества.

Список источников

- Бабук А. В. «Миф детства» как олицетворение «золотого века» в творчестве Достоевского // Вопросы литературы. 2014. № 1. С. 225–247. EDN: TXKZCF.
- Вагнер Н. П. Повести, сказки и рассказы Кота-Мурлыки. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. Т. 5. 334 с.
- Вагнер Н. П. Романы, повести и рассказы Кота-Мурлыки. 2-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1904. Т. 7. 350 с.
- Вагнер Н. П. Сказки Кота-Мурлыки : в 2 т. М.: Книговек, 2015. Т. 1. 608 с.
- Вяль Е. Н., Захарова О. В., Сосновская О. А. Ф. М. Достоевский, Н. П. Вагнер, А. Г. Достоевская: переписка // Известный Достоевский. 2015. № 2. С. 14–36. EDN: VLJUKD. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.20>
- Давыдова Л. О. О Надежде и ее сбывшейся мечте // Русское слово (Прага). 2022. № 2. С. 28–31.
- Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: БОСЛЕН, 2015. 768 с.
- Достоевский Ф. М. Письма к А. Н. Майкову. 22 июня (4 июля) 1868 года // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 28, кн. 2 : Письма, 1860–1868. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. С. 301–305.
- Достоевский Ф. М. Письма к Н. Н. Страхову. 26 февраля (10 марта) 1870 года // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 29, кн. 1 : Письма, 1869–1874. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986а. 573 с.
- Достоевский Ф. М. Письма к Н. П. Вагнеру. 2 января 1876 года // Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 29, кн. 2 : Письма, 1875–1877. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986б. С. 70.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 22. 407 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2013. Т. 1. 812 с.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем : в 35 т. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 2014. Т. 3. 681 с.
- Дудаков С. Ю. Злой сказочник // История одного мифа. Очерки русской литературы XIX–XX вв. М.: Наука, 1993. С. 242–269.
- Кондратьев Б. С. Концепт детства в произведениях Ф. М. Достоевского и А. П. Гайдара // Приволжский науч. вестн. 2013. № 12-1 (28). С. 97–99. EDN: RTDDXJ.
- Петрова А. В. Сиротство как социальное явление во второй половине XIX — начале XX вв.: по материалам Тверской губернии : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2007. 18 с. EDN: ZNGHXP.
- Пустошкина Т. В. Мифологема детства в русской прозе 20–40-х гг. XIX века, ее своеобразие и развитие : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 18 с. EDN: QNMVNB.
- Раздьяконов В. С. Известное письмо А. Г. Достоевской к Н. П. Вагнеру // Известный Достоевский. 2015. № 4. С. 28–33. EDN: VLJUQH. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2504>

Раздьяконов В. С. Творчество Н. П. Вагнера в религиозной культуре России последней трети XIX века : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 241 с. EDN: QEGFZX.

Сосновская О. А. Достоевский и Вагнер: биография в переписке // Неизвестный Достоевский. 2015. № 2. С. 5–13. EDN: VLJUJT. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2462>

Тихомиров Б. Н. Достоевский на спиритическом сеансе. К истории одной «угасшей» темы в «Дневнике писателя» // От «Белых ночей» до «Братьев Карамазовых»: статьи о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2022а. С. 386–400.

Тихомиров Б. Н. Экзистенциальный рубеж в душевной биографии подростка. Мотив пробуждения любви в рассказе Достоевского «Маленький герой» // От «Белых ночей» до «Братьев Карамазовых»: статьи о Достоевском. СПб.: Серебряный век, 2022б. С. 247–264.

Фокин С. И. Н. П. Вагнер — жизнь и ипостаси талантливого человека. Часть I: Путь в науку и в науке // Ист.-биол. исследования. 2024а. № 1. С. 10–60. EDN: HQEPSS. <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2024-1-10-60>

Фокин С. И. Н. П. Вагнер — жизнь и ипостаси талантливого человека. Часть II: Литература, спиритизм, судьбы учеников и потомков // Ист.-биол. исследования. 2024б. № 2. С. 43–88. EDN: MVWWPO. <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2024-2-43-88>

References

Babuk, A. V. (2014). The myth of childhood as the personification of the golden age in Dostoevsky's work. *Questions of Literature*, no. 1, pp. 225-247. (In Russian). EDN: TXKZCF.

Davydova, L. O. (2022). About Nadezhda and her dream come true. *Russian Word (Prague)*, no. 2, pp. 28-31. (In Russian).

Dostoevskaya, A. G. (2015). *Memoirs*. Moscow, BOSLEN, 768 p. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (1981). *Complete works*: in 30 vols. Leningrad, Science, Leningrad Publishing House, vol. 22, 407 p. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (1985). Letters to A. N. Maikov. June 22 (July 4), 1868. *Complete works*: in 30 vols. Vol. 28, book 2: Letters, 1860-1868. Leningrad, Science, Leningrad Publishing House, pp. 301-305. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (1986a). Letters to H. H. Strakhov. February 26 (March 10), 1870. *Complete works*: in 30 vols. Vol. 29, book 1: Letters, 1869-1874. Leningrad, Science, Leningrad Publishing House, 573 p. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (1986b). Letters to N. P. Wagner. January 2, 1876. *Complete works*: in 30 vols. Vol. 29, book 2: Letters, 1875-1877. Leningrad, Science, Leningrad Publishing House, p. 70. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (2013). *The complete works and letters*: in 35 vols. 2nd ed. add. St. Petersburg, Science, vol. 1, 812 p. (In Russian).

Dostoevsky, F. M. (2014). *Complete works and letters*: in 35 vols. 2nd ed. add. St. Petersburg, Science, vol. 3, 681 p. (In Russian).

Dudakov, S. Yu. (1993). The evil storyteller. *The story of a myth. Essays in Russian literature of 19th-20th centuries*. Moscow, Science, pp. 242-269. (In Russian).

Fokin, S. I. (2024a). N. P. Wagner - the life and hypostases of a talented man. Part I. The path to science and in science. *Historical and Biological Research*, no. 1, pp. 10-60. (In Russian). EDN: HQEPSS. <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2024-1-10-60>

Fokin, S. I. (2024b). N. P. Wagner - the life and hypostases of a talented man. Part II. Literature, spiritualism, the fate of students and descendants. *Historical and Biological Research*, no. 2, pp. 43-88. (In Russian). EDN: MVWWPO. <https://doi.org/10.24412/2076-8176-2024-2-43-88>

Kondratiev, B. S. (2013). The concept of childhood in the works of F.M. Dostoevsky and A.P. Gaidar. *Privolzhsky Scientific Bulletin*, no. 12-1, pp. 97-99. (In Russian). EDN: RTDDXJ.

Petrova, A. V. (2007). *Orphanhood as a social phenomenon in the second half of the 19th - early 20th centuries: based on the materials of the Tver province*. Abstract of the PhD thesis. Tver, 18 p. (In Russian). EDN: ZNGHXP.

Pustoshkina, T. V. (2011). *The mythologeme of childhood in Russian prose of the 20-40s of the 19th century, its originality and development*. Abstract of the PhD thesis. Moscow, 18 p. (In Russian). EDN: QHMHVB.

Razdyakonov, V. S. (2008). *N. P. Wagner's creativity in the religious culture of Russia in the last third of the 19th century*. PhD thesis. Moscow, 241 p. (In Russian). EDN: QEGFZX.

Razdyakonov, V. S. (2015). Unknown letter from A. G. Dostoevskaya to N. P. Wagner. *Unknown Dostoevsky*, no. 4, pp. 28-33. (In Russian). EDN: VLJUQH. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2504>

Sosnovskaya, O. A. (2015). Dostoevsky and Wagner: biography in correspondence. *Unknown Dostoevsky*, no. 2, pp. 5-13. (In Russian). EDN: VLJUJT. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.2462>

Tikhomirov, B. N. (2022a). Dostoevsky at a seance. On the history of one "extinct" theme in the "Writer's Diary". *From "White Nights" to "The Brothers Karamazov". Articles about Dostoevsky*. St. Petersburg, Silver Age, pp. 386-400. (In Russian).

Tikhomirov, B. N. (2022b). The existential frontier in the spiritual biography of a teenager. The motive of the awakening of love in Dostoevsky's short story "The Little Hero". *From "White Nights" to "The Brothers Karamazov"*. St. Petersburg, Silver Age, pp. 247-264. (In Russian).

Wagner, N. P. (1897). *Novellas, fairy tales and stories of the Purring Cat*. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Printing House, vol. 5, 334 p. (In Russian).

Wagner, N. P. (1904). *Novels, novellas and stories of the Purring Cat*. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Printing House, vol. 7, 350 p. (In Russian).

Wagner, N. P. (2015). *Tales of the Purring Cat*: in 2 vols. Moscow, Age of Books, vol. 1, 608 p. (In Russian).

Vyal, E. N., Zakharova, O. V. and Sosnovskaya, O. A. (2015). F. M. Dostoevsky, N. P. Wagner, A. G. Dostoevskaya: correspondence. *Unknown Dostoevsky*, no. 2, pp. 14-36. (In Russian). EDN: VLJUKD. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2015.20>

Сведения об авторах

Гольденберг Аркадий Хаимович — докт. филол. наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания, goldenber48@mail.ru

Стаценко Варвара Анатольевна — аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, varsta2001@mail.ru

Information about the Authors

Arkady Kh. Goldenberg — Ph.D. in Philology, professor of the Department of Literature and Methods of Teaching, goldenber48@mail.ru

Varvara A. Statsenko — postgraduate student of the Department of Literature and Methods of Teaching, varsta2001@mail.ru

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 19.06.2026; принята к публикации 19.06.2026.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 19.06.2026; accepted for publication 19.06.2026.